

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ПЛАВУНЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВИТАЛИЙ БИАНКИ

ПЛАВУНЧИК

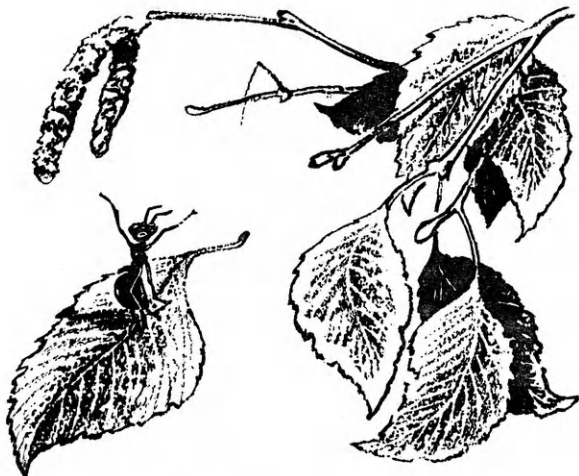
Издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» Москва 1971

В этой книжке есть рассказ про плавунчика. Со-
всем малая птичка, и встретить её можно повсюду.
Да как узнать? А писатель Виталий Бианки так
подробно и интересно о ней рассказал, что, пожа-
луй, не только узнаешь, но и самому поскорее захо-
чется за этими плавунчиками понаблюдать: какие
они доверчивые, да как в воде кувываются, ну и
всё остальное...

Откуда он так хорошо был знаком с повадками
разных птиц и зверей?

Люди узнают из газет про всё, что случается на
свете. А Виталий Бианки с детства учился читать
особенную, «лесную газету»: в ней новости пишут-
ся не словами на бумаге, а следами — на снегу, на
земле, на деревьях... Читал и потом пересказывал
в своих рассказах и сказках. Вот почему у него да-
же в сказках всё правда. Например, про муравьиш-
ку и про тех, кто ему помогал добираться до род-
ного муравейника — паука-сенокосца, у которого
коленки торчат выше спины, водомерку, что
скользит по воде, словно по льду, гусеницу-земле-
мера... Разве что по-человечески они говорить не
умеют. Но какое это имеет значение для того, кто
их всё равно понимает!..

РИСУНКИ Е. РАЧЁВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МУРАВЬИШКИ

Залез муравьишка на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко — и вниз».

У муравьёв ведь строго: только солнышко на закат — все домой бегут. Сядет солнце, муравьи все ходы и выходы закроют — и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, над рекой, над деревней.

Летит муравьишка на листке, качается — чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней да там и бросил.

Упал листок на камень, муравьишка себе ноги отшиб. Лежит и думает:

«Пропала моя головушка! Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров — сразу бы добежал, да вот беда — ноги болят. Обидно, хоть землю кусай!»

Смотрит муравьишка — рядом гусеница-землемер лежит. Червяк червяком, только спереди ножки и сзади ножки.

Муравьишка говорит землемеру:

— Землемер, землемер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— А кусаться не будешь?

— Кусаться не буду.

— Ну, садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост к голове. Потом вдруг

встал во весь рост да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу — то вниз головой, то вверх.

— Не могу больше, — кричит, — стой! А то укушу.

Остановился землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся. Видит — луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу паук-сенокосец шагает: ноги — как ходули, между ног голова качается.

— Паук, а паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться

пауку на спину: колени у сенокосца торчат выше спины.

Начал паук свои ходули переставлять — одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у муравьишки замелькали. А идёт паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку. Остановился паук.

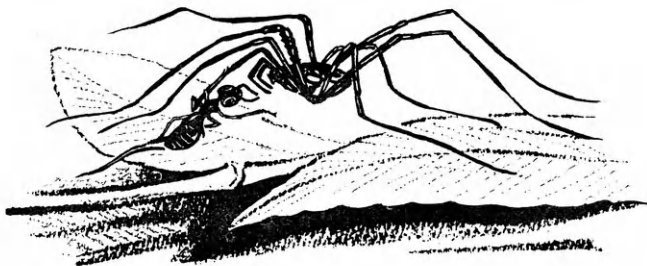
— Слезай, — говорит. — Вон жужелица бежит: она резвей меня.

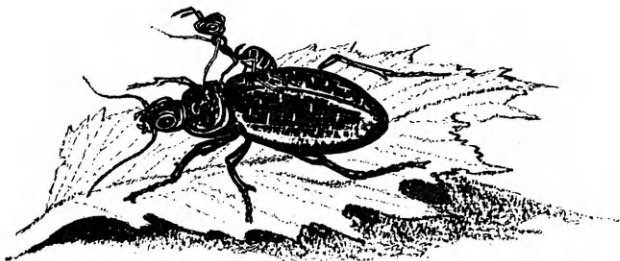
Слез муравьишка.

— Жужелка, жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись, прокачу.

Только успел муравьишка вскарабкаться жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня. Бежит шести-

ногий конь, бежит не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

— А теперь слезай, — говорит жужелица, — не с моими ногами по картофельным грядам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для муравьишки — лес густой. Тут и со здоровыми ногами целый день бежать, а солнце уж низко.

Вдруг слышит муравьишка — пищит кто-то:

— А ну, муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся муравьишка — стоит рядом жучок-блошачок, чуть от земли видно.

— Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

— А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился муравей на спине у блошака. Только-только ножки поставил.

— Влез?

— Ну, влез.

— А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, а они у него, как пружинки, складные, — да щёлк! — распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! — на другой. Щёлк! — на третьей.

Так весь огород и отщёлкал блошачок, до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

— А через забор можешь?

— Через забор не могу: высок очень. Ты кузнечика попроси: он может.

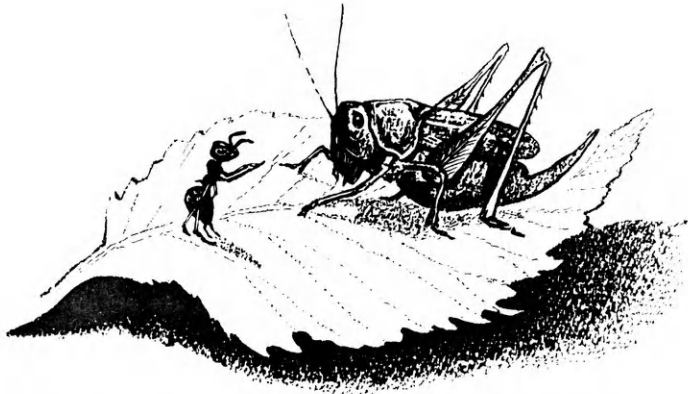
— Кузнечик, кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Садись на загривок.

Сел муравьишка кузнечику на загривок.

Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил

высоко в воздух, как блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

— Стоп! — говорит кузнечик. — Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви — не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

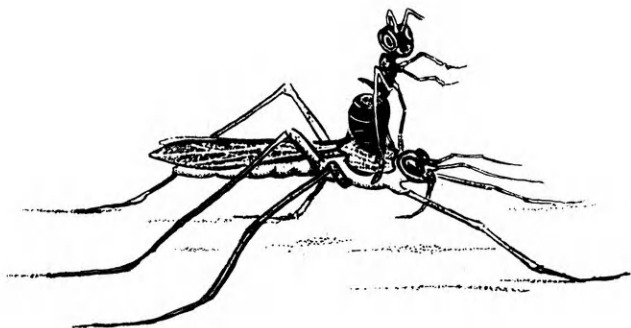
Кузнечик говорит:

— Через реку и мне не перескочить: очень уж широкая. Стой-ка, я водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрепал по-своему, глядь — бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала.

Нет, не лодочка, а водомерка-клоп.

— Водомер, водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— Ладно, садись, перевезу.

Сел муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху.

А солнце уж совсем низко.

— Миленький, пошибче! — просит муравьишка. — Меня домой не пустят.

— Можно и пошибче, — говорит водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

— А по земле не можешь? — спрашивает муравьишка.

— По земле мне трудно: ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось.

Нет, не попасть муравьишке домой!

— Гляди, — говорит водомер, — вот тебе и конь ползёт.

Видит муравьишка: ползёт мимо майский хрущ — тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь?

Всё-таки послушался водомера:

— Хрущ, хрущ, снеси меня домой! У меня ножки болят.

— А ты где живёшь?

— В муравейнике за лесом.

— Далеконько... Ну, что с тобой делать! Садись, довезу.

Полез муравьишка по жёсткому жучьему боку.

— Сел, что ли?

— Сел.

— А куда сел?

— На спину.

— Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез муравьишка жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил жук спину надвое — два жёстких крыла приподнял. Крылья у жука точно два перевёрнутых корытца, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал жук пыхтеть, надуваться: уф, уф, уф! Будто мотор заводит.

— Дяденька, — просит муравьишка, — поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает жук, только пыхтит: уф, уф, уф!

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали — жжж! тук-тук-тук!..

Поднялся хрущ на воздух. Как пробку выкинуло его ветром вверх, выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал хрущ, у муравьишки даже дух захватило.

Жжж! Тук-тук-тук! Несётся жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес — и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил жук мотор и — шлёп! — сел на сук.

— Дяденька, миленький! — взмолился му-

равьишка. — А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал. Подумал и говорит:

— А уж как тебе вниз спуститься, не знаю. Я на муравейник не полечу: уж больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам как знаешь.

Глянул муравьишка вниз, а там, под самой берёзой, его дом родной. Глянул на солнышко — солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя — сучья да листья, листья да сучья. Не попасть муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке гусеница-листоевёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

— Гусеница, гусеница, спусти меня домой. Последняя мне минуточка осталась — не пустят меня домой ночевать.

— Отстань! Видишь, дело делаю — пряжу пряду.

— Все меня жалели, никто не гнал, ты — первая!

Не удержался муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу гусеница лапки поджала да ку-

вырк с листа! — и полетела вниз. А муравьишка на ней висит, крепко вцепился.

Только недолго они падали: что-то их сверху — дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается муравьишка на листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся.

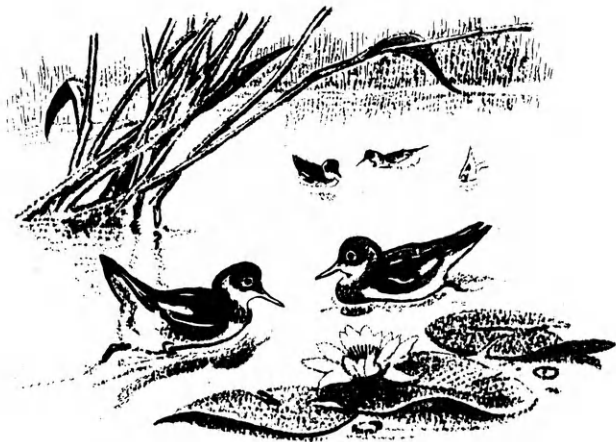
Муравьишка с листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат: входы-выходы закрывают.

Все закрыли, один — последний — вход остался.

Муравьишка с гусеницы — кувырк! — и домой. Тут и солнышко зашло.

ПЛАВУНЧИК

Преудивительная у нас водится птичка. Называется плавунчик.

Где бы вы ни жили летом — на Волге, на Кавказе или в жарких степях Казахстана, под Ленинградом, под Москвой или на Камчатке, — всюду вы можете этих птичек встретить. И всегда неожиданно. А назавтра придёте туда, где их видели, — их уж нет.

Ищите их на море, в озере, на реке, в пруду. Даже если около вашего дома есть просто большая яма, — и тут вам могут попасться на глаза плавунчики. Была бы в яме вода.

Птички эти из куликов. Кулики — стройные такие птицы, на очень длинных ногах и с очень длинным носом. Живут больше по болотам, по берегам рек, озёр. Но они не плавают, не ныряют: только бегают у воды по берегу и кланяются, кланяются носом до земли. Носом они достают себе еду в тине, в иле, под камешками или в траве.

Кулики-то плавунчики — кулики, да у них, как говорит мой сынишка, всё шиворот-навыворот. Носик у них не такой уж длинный, ножки тоже. И редко увидишь их на берегу: они всё плавают.

Спросите, на кого плавунчики похожи? Как их узнать, если встретишь?

Узнать их очень легко. Ростом плавунчики примерно со скворца. Похожи они на те нарядные цветные поплавки, что покупают молодые удильщики в городских магазинах. Особенно похожи, когда сидят на воде: сидят и танцуют на волнах, как поплавки. Сами белые, и серые, и красноватенькие — пестро расписаны.

И всегда их целая стайка. Народ они очень дружный. Одиночку редко-редко встретишь. Они всё в компании.

Сынишка мой, когда в прошлом году в первый раз их увидел, очень удивился. Пришёл домой и говорит:

— Что за птиц таких я видел, просто не пойму! Идёшь — все птицы от тебя удирают, разлетаются, а эти и не думают. Плавают у самого берега. Я подхожу — они не только не улетают, даже отплыть подальше не хотят. Кувыркаются головой под воду, как маленькие уточки. Ни минуты не посидят спокойно: кружатся жуками на воде. А то в чехарду начнут играть: прыгают друг через друга, перепархивают — и опять на воду садятся.

Жили мы прошлый год в деревне на Урале. Домик наш стоял на самом берегу реки Камы. И всё лето стайки плавунчиков плавали у нас перед глазами — прямо из окошек видно. Сегодня плавает стайка, а завтра исчезнет. Пройдёт два-три дня — другая стайка появится. И так всё лето.

Сынишка мой говорит:

— Вот бездельники! Другие птицы — всё на гнёздах, птенцов выводят. А эти ничего не делают, только в чехарду на воде играют всё лето. Наверно, это петушки: красивенькие такие, яркие. У всех птиц самцы красивей самок. Наш Петька вон какой франт, а курочки — серенькие.

Я ему объяснил, что он ошибается. У плавунчиков как раз наоборот: петушки серенькие,

а курочки франтихи, ярко одеты. Далеко на севере, в тундре, весной курочки снесут в гнёзда яйца — и до свидания! Улетают. Петушки одни на гнёздах сидят, детей выводят, потом учат их, как жить. А курочки-франтихи всё лето по всей нашей стране летают, путешествуют себе с места на место.

Сынишка мой говорит:

— Это просто какие-то птички шиворот-навыворот! А всё-таки я их шибко полюбил, потому что они меня не боятся. Будто знают, что я их не трону и плохого им не сделаю. Хорошие они.

— Очень хорошие, — согласился я.

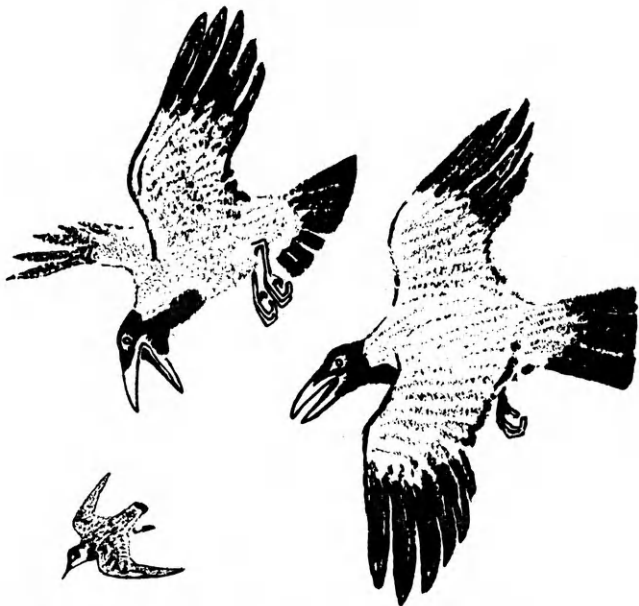
И вот раз утром прибегает мой сынишка домой с Камы. Он рыбу ходил удить на реку.

Прибегает и говорит:

— Смотрите, кого я принёс.

Лезет себе за пазуху, вынимает оттуда живого плавунчика и пускает его на пол.

— Я, — говорит, — сидел на берегу с удочкой. Вдруг две вороны летят. Кричат, каркают. А впереди них, смотрю, какая-то маленькая птичка мчится. Вороны её ловят, схватить хотят. Она из стороны в сторону бросается, кричит. Увидела меня — и прямо ко мне. Примчалась — и в ноги мне. И сидит. «Туик!» — говорит. Я сразу понял: «Защити меня», — просит. Ну, я на ворон удочкой замахал, закричал. Они покружились,

видят — со мной не справиться, и отлетели. Я нагнулся, взял плавунчика в руки. Он и не думает улетать. Я удочку смотал — домой с ним. Вот он — видите какой.

Плавунчик ходит себе по избе, нас ничуть-ки не боится.

Думали мы, думали, что с ним делать. Конечно, такая милая птичка — радость в доме. Но

чем её кормить? И ведь ей плавать надо. Держать дома трудно.

Решили выпустить.

В деревне-то, конечно, нельзя выпускать: тут кошки, собаки и те две вороны. Решили плавунчика отнести подальше.

Сынишка наклонился, взял его в руки. Он ничего — пожалуйста! Точно век с людьми в избе жил.

Пошли мы с сынишкой за околицу, через поле, в лес.

В лесу, среди вырубки, знал я такую большую яму с водой. Тины там, корму всякого птичьего много было. Днём туда разные кулики прилетали — покормиться, а на ночь — утки.

На этой яме мой сынишка и выпустил плавунчика. Плавунчик порхнул на воду, пискнул нам два раза — туик, туик, — вроде, значит, «спасибо» сказал, «до свиданья», и как ни в чём не бывало принялся жуком кружить по воде, пить и есть.

Долго мы стояли с сынишкой, любовались им.

Наконец я говорю:

— Ну, пойдём. Мама давно уж, верно, нас с обедом ждёт. А плавунчик забудет нас, улетит отсюда на Каму — к своей стайке. Птица вольная, ей так хорошо.

Ушли мы. Но я ошибся: плавунчик не улетел и не забыл нас.

Через два дня пришли мы с сынишкой на эту яму: уток я хотел настрелять. Спрятались в елушках на берегу.

Уж солнце за лес село. Тут вдруг что-то мелькнуло у нас над головой, и видим — плавунчик наш на воду садится!

Я высунулся из елушек, машу на него рукой: — Кыш, кыш, улетай отсюда скорей!

А он посмотрел на меня, — туик! — пискнул, вроде «здравствуй» сказал, и плывёт к нам. Подплыл и у наших ног кувыркается, тинку со дна носом достаёт — закусывает.

Сынишка говорит:

— Пойдём-ка, пап, домой лучше. А то ещё ты моего плавунчика вместо утки подстрелишь, как стемнеет.

Так и ушли, ни разу не выстрелив.

И больше уж не пришлось мне на этой яме охотиться: плавунчик наш привычку взял каждый вечер сюда прилетать. Плавает среди уток, кружит по воде — ну, как тут стрелять: дробь разлетится, ненароком и его заденет.

Пришла пора — с севера, из тундры, прилетели стайки сереньких плавунчиков: петушки со своими воспитанниками — молодыми. Поплавали немножко на Каме все вместе — с франтихами-самочками. И исчезли.

Это они в своё осеннее путешествие отправились на зимовки. А зимовки у них в далёких

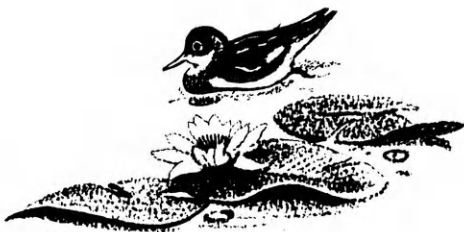
жарких странах — в Индии, в Индокитае и ещё дальше.

Улетел с ними и наш плавунчик.

Но весной он опять прилетит.

И, пожалуйста, ребята, если где встретите его или других плавунчиков, — не трогайте их, не пугайте! Они ведь совсем беззащитные и, главное, очень уж верят людям. А ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего. Особенно когда так в тебя верит беззащитное маленькое существо.

Пусть хоть птичка.

ЛУПЛЕННЫЙ БОЧОК

Думаете, все зайцы одинаковые, все трусы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроём: сынишка, я и Джим. Джим — это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик куцей. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а

подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни пёрышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерётся, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так по-собачьи, приветливо улыбается.

На охоте мы были сухой осенью — уже лист с деревьев падал, а дождей больших ещё не было. В это время охотиться в лесу всего трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не допустив, улетает.

Вдруг слышу — Джим залаял, залаял в кустах и вдруг замолк.

«На кого это он?» — думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там — и кричит мне из кустов:

— Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

Я к ним. И вижу: Джим лежит враспяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостиком часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними и не знает, что ему делать.

Я подошёл, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот, — он ещё пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

— Это он на тебя сердится. Кричит: «Как ты смеешь меня, такого маленького, обижать!»

И вправду похоже было, что зайчонок что-то эдакое кричал.

А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени упёрся и лижет зайчонка: успокаивает его — что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

Тут вдруг сынишка говорит:

— Смотри, папа, у него левый бочок лупленный.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа — с пятак кружок.

— Эге! — говорю. — Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он от дяди Серёжи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке: во всю спину, а по бокам — пуговицы. Очень удобно в нём стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло, он и притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок лупленный.

Дядя Серёжа — приятель мой, тоже охот-

ник — живёт на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад — совсем ещё крошкой — у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок из листопадничков. У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда ещё снег корочкой — наст. И называются они настоячками. А последние в году рождаются осенью, когда уже лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут листопадничками.

Дядя Серёжа очень этому зайчонку обрадовался. Вот почему: у него, у дяди Серёжи, не так давно ошенилась дворовая собака, по кличке Клеопарда. Щенят всех он ещё раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая, Клеопарда совсем с ума сойдёт, на всех начнёт кидаться. Дядя Серёжа и придумал зайчонка ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала.

Так и сделал.

Щенята в ящике сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла — щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и её собачьим запахом пахнет: в ящике-то всё с её запахом.

Она и не тронула зайчонка: своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. От такой пищи зайчонок живо бы

ножки протянул, да дядя Серёжа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приёмыша кости глотать и мясо есть — её собачью пищу. Зато научила своей собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не подпускала — ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подожмёт хвоста и не пустится наутёк, не дожидаясь, пока эта серая злюка сшибёт с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок вырослел быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже большим считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть ещё махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всём ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места — и он за ней. Она на собаку — и он тоже. Она куснёт — и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние — видели зайцев? — длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснёт — из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несётся навстречу — кусаться.

Храбрый волчонка стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрёл на двор к дяде Серёже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго её сынишки...

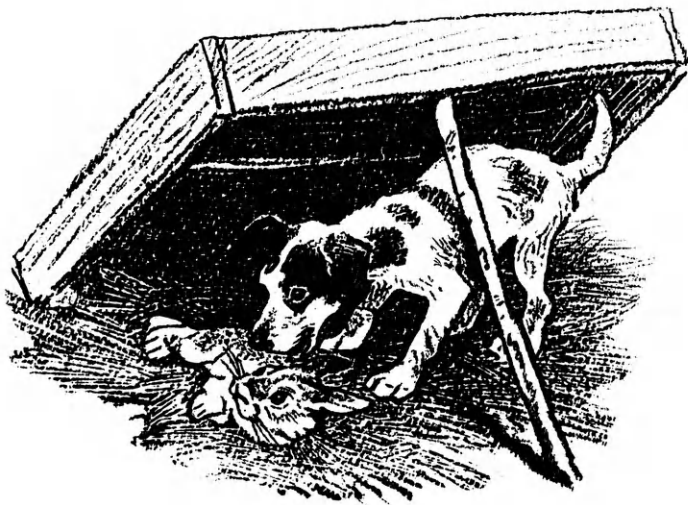
Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок её, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

Щенок подбежал к ящику — зайчишка! И кинулся на него.

Собака, конечно, не то, что заяц. Если заячьи двухнедельный зайчонок уже большим считается, то у трёхнедельной собачонки ещё только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, а он был ещё совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться толком, он не знал — не приходилось ему ещё на охоте бывать. Он прыгнул на зайчонка и хватить его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или ещё как, а он за бок.

Ну конечно, шерсти клочок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнёт с перепугу через ящик — только его щенок и видел! А тут ещё Клеопарда прибежала — пришлось щенку поскорей убираться со двора подобру-поздорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык лучше всякого лекарства и раны залечивает превосходно. Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Серёжи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор — и в лес.

Да вот трёх дней не прошло, Джим наш его в лесу поймал...

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

— Ну вот, — говорит, — ты его, значит, дяде Серёже несёшь! А я думал, он у нас поживёт...

— Что ж, — говорю, — сегодня-то, уж конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Серёже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол.

Он сразу в угол, под лавку, — и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовёт его:

— Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочко пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

— Глупенький, мы же люди, — объясняет ему сынишка, — мы тебя не обидим!

А зайчонок изловчился — и цоп его зубами за палец! Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок опять под лавку.

Тут наш котёнок — у нас ещё котёнок тогда был, ростом поменьше зайчонка, — подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Лупленный Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснёт!

Котёнок птицой от него на печку взвился!
Сынишка сквозь слёзы улыбается:

— Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улёгся спать на своё место — у него свой матрасик в углу. Джим очень устал — ведь целый день по лесу бегал, дичь искал, старичок.

Смотрим — Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму!

Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушёл под лавку: не драться же с маленьким, — да всё-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Лупленный Бочок преспокойно себе улёгся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаём — Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котёнок всё на печке сидит, слезть боится.

Я сынишку спрашиваю:

— Ну что ж, пойдём к дяде Серёже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котёнка, на Джима, на свой завязанный палец и говорит:

— Знаешь что? Пойдём лучше отнесём зайчонка дяде Серёже насовсем.

Так мы и сделали. Ну как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерётся. Уж на что добряк Джим — и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Серёже, а он говорит:

— Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести.

Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг — и в кусты.

Даже «до свиданья» не сказал.

Вот какие зайцы бывают.

Д л я н а ч а л ь н о й ш к о л ы

Бианни Виталий Валентинович

П Л А В У Н Ч И К

Ответственный редактор Л. И. Дюкша. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор С. Г. Маркович. Корректор К. П. Тагельская. Сдано в набор 13/IV 1971 г. Подписано к печати 18/VIII 1971 г. Формат 70×92¹/₁₆. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,34. (Уч.-изд. л. 1,59). Тираж 1 000 000 экз. ТП 1971 № 287. Цена 7 коп. на бум. № 2. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Заказ № 105.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «Читаем сами». В 1971 году в этой серии вышли и выходят следующие книги:

ВРЕМЕНА ГОДА.

Стихи, рассказы, сказки

Мамин-Сибирян Д.

СЕРАЯ ШЕЙКА

Барто А.
ВЕРЁВОЧКА.

Стихи

Гайдар А.
ПОХОД.

Рассказы

Житков Б.
ПОМОЩЬ ИДЁТ.

Рассказы

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Толстой Л.

КОТЁНОК.

Рассказы

Маршак С.
РАДУГА.

Стихи

Пришвин М.
ВАСЯ ВЕСЁЛКИН.

Рассказы

Тараховская Е.
МЕТРО.

Стихи.